

БЛАЖЕННЫЙ АВГУСТИН
О ТОМ, КАК ОГЛАШАТЬ
ЛЮДЕЙ НЕОБРАЗОВАННЫХ

«О том, как оглашать людей необразованных» — сочинение, принадлежащее перу великого христианского проповедника, философа и теолога Августина Блаженного Аврелия (лат. Aurelius Augustinus Hippoensis, 354–430).

Это сочинение посвящено разъяснению начал христианской веры для необразованных, которым не нравятся длинные проповеди.

Другими выдающимися трудами Августина Блаженного являются «О бессмертии души», «Исповедь», «Письма», «О различных вопросах», «О порядке», «О количестве души», «О блаженной жизни» и «Монологи».

Произведения гения теологической мысли Августина Блаженного Аврелия послужили основой для возникновения новых течений: христианского неоплатонизма и символизма.

Августин Блаженный

О том, как оглашать людей необразованных

Вступление

1. Ты меня просишь, возлюбленный о Господе брат, написать тебе руководство для оглашения необразованных; потому что, по словам твоим, в Карфагене, где ты состоишь Диаконом, часто приводят к тебе таких, коим нужно преподать первые начала христианской веры, — так как по познаниям, какие ты имеешь о сей вере, и по приятности твоей речи, тебя почитают там более других способным к преподаванию наставления, а ты с своей стороны почти всегда затрудняешься тем: как надобно преподавать свое учение, с чего начинать и до чего доводить повествование; должно ли к повествованию присовокуплять какое-либо увещание, или достаточно изложить для оглашаемого те пункты учения, в соблюдении коих должны состоять жизнь и исповедание Христианина. Ты признаешься, что часто и тебе самому не нравилась твоя длинная и холодная речь, не говоря уже о тех, коих ты наставлял, и о всех прочих, кои были при сем слушателями оной, и эта необходимость вынудила тебя просить меня —

ради любви, какую я одолжен тебе, не облениться написать тебе нечто о сем предмете.

2. Я же со своей стороны сколько по чувству взаимной между нами любви, столько и вообще из любви и повиновения матери нашей — Церкви, не только не отказываюсь от сего, но и со всем усердием готов, при помощи Божией, содействовать собрату своему наставлением. Ибо чем большее я имею желание раздавать повсюду божественное сокровище, тем более я должен стараться облегчить способы в раздаянии оногo для моих сотрудников, дабы они удобно могли выполнить то, что хотят преодолеть трудом и ревностью.

3. Что касается до твоего образа мыслей о сем предмете, то я не советовал бы тебе много беспокоиться, если представляется тебе иногда, что ты говоришь слишком простонародно и скучно, потому что, может быть, тому, кого ты наставлял, не таким это казалось; но поелику ты желал, чтобы от тебя слышали что-либо лучшее, то речь твоя и казалась тебе недостойною слуха других. И мне моя речь почти никогда не нравится; потому что мне всегда бывает желательно составить речь лучшую, какую я и составляю часто в уме своем, прежде нежели начну выражать оную словами: если же мне не удастся выполнить сего, как бы мне хотелось, то я сокрушаюсь о том, что язык мой был

недостаточен для моего сердца. Я хочу, чтобы слушающий меня вполне разумел то, что я понимаю, но чувствую, что я говорю не так, чтобы исполнилось мое желание; особенно когда мысль с быстротою молнии является в уме, а слово медленно и продолжительно, и весьма непохоже на оную, так что, пока оно произносится, мысль уже уходит в свое уединение. Впрочем, поелику мысль удивительным образом напечатлевает в памяти следы свои, то по сим следам мы составляем звучащие знаки, которые называем языком или Латинским, или Греческим, или Еврейским, или другим каким-либо. Представляем ли мы сии знаки в уме своем или выражаем оные голосом, — это все равно; потому что следы, по коим составляются сии знаки, не принадлежат ни Римлянам, ни Грекам, ни Евреям, ни какому-либо другому народу, но образуются точно так же в уме, как выражение душевных движений на лице нашем. Гнев, на пример, иначе называется на Латинском, иначе на Греческом, иначе на каком-либо другом языке; но вид человека разгневанного не принадлежит исключительно ни Грекам, ни Римлянам. Поэтому не все понимают, когда кто скажет: «я разгневан», но только понимающие язык сей; а когда смотрят на разгневанного, то все видят, что он разгневан. Но не так удобно вывести наружу и как бы напечатлеть в чувстве слушающих

посредством слова те следы, какие мысль оставляет в уме нашем, как открыт и понятен для всякого бывает взор; потому что те находятся внутри — в душе, а сей наружи — на лице. Отсюда должно заключить, сколь отлично наше слово от мысли, когда оно не выражает и того впечатления, какое мысль оставляет в памяти. А мы, ревнуя о пользе слушателя, хотим говорить соответственно нашему разумению; но поелику нам сего не удастся, то мы беспокоимся и сокрушаемся, думая, что мы напрасно трудимся; а оттого наша речь делается слабее и невнятнее.

4. Впрочем, из ревности тех, кои желают слушать меня, я заключаю, что моя речь не так холодна, как мне представляется, и — что они получают от нее некоторую пользу, это я узнаю из того удовольствия, какое выражается на лице их, и затем с своей стороны тщательно стараюсь выполнить свое дело, как скоро вижу, что они хорошо понимают то, что им предлагается. Так и ты из того самого, что к тебе чаще приводят таких, кои желают получить от тебя наставление в вере, должен заключить, что твоя речь не такою кажется другим, какою тебе самому; а потому ты не должен почитать себя бесплодным, если созерцаемого тобою не выражаешь так, как бы тебе хотелось, когда ты и созерцать многого еще не можешь так, как бы желал, потому что в сей жизни каждый

«видит только как бы сквозь *тусклое* стекло, гадательно» (1Кор.13:12); да и любви мы не имеем такой, которая бы, разогнав мрак плоти, проникла в вечный свет, в котором видно все, даже и то, что преходит. Но поелику добродетельные люди день от дня делаются способнее к созерцанию того незаходимого дня, которого «не видел того глаз, не слышало ухо» и который «не приходило то на сердце человеку» (1Кор. 2:9): то и нет причины опасаться нам за свою речь при наставлении непросвещенных, если только мы не будем слишком много рассуждать о предметах высших нашего разума, и говорить об них языком невразумительным. Прибавь к тому еще и то, что нас гораздо охотнее слушают, когда мы сами находим удовольствие в предмете, о котором говорим; ибо речь наша в таком случае делается восторженнее, течет свободнее и бывает вразумительнее. Поэтому не трудное дело преподавать то, чему должно верить, с чего начать и до чего доводить повествование, как изложить оное, чтобы в одном случае оно было кратко, а в другом пространно, но всегда полно и совершенно, и когда надобно употреблять первое и когда последнее: но как произвести то, чтобы каждый наставлял с охотою? Ибо тот приятнее будет в речах своих, кто более успеет в сем деле: в этом большой труд! На сей случай и правило готово. Ибо

если в имени вещественном, то кольми паче в духовном, «доброхотно дающего любит Бог» (2Кор. 9:7). Но чтобы такое доброхотство было полезно, это зависит от милосердия Того, кто повелел поступать так. Итак, при помощи Божией, рассудим сперва об образе повествования, — чего, я знаю, ты желаешь, потом о наставлении и увещании.

Как надобно изъяснять Священное Писание оглашаемым?

5. Повествование будет полное, когда кто начнет оное с первых слов книги Бытия: «В начале сотвори Бог небо и землю» (Быт.1:1), и доведет до настоящих времен Церкви. Но не должно однако ж все Пятикнижие Моисеево, все книги Судей, Царств и Ездры, Евангелие и Деяния Апостольские, если бы мы и выучили оные до слова, передавать наизусть, или своими словами пересказывать и объяснять все содержание оных; на это и времена не достанет, да и нет в том никакой нужды: но обо всем надобно сказать кратко и в общих чертах, и выставить на вид только замечательнейшие события, историю коих охотнее слушают, и притом такие, которые поставлены в числе членов веры. Но и таковые события не надобно показывать как бы в обнаженном виде, и тотчас удалять оные с глаз, а надобно иногда остановиться, на иных как бы для

разбора и прояснения, и предложить оные на рассмотрение самим слушателям; всего же прочего коснуться только слегка или вовсе прейти оное молчанием. Таким образом, то, что мы предложим в сем случае по выбору, при молчании о прочем, будет иметь большее значение; наставляемый нами уразумеет оное без труда, и его память не обременится.

6. Но во всем без сомнения не только нам самим надобно смотреть на цель наставления, которая есть «любовь от чистого сердца и доброй совести и нелицемерной веры» (1Тим.1:5), и к которой мы должны направлять все слова свои; но к ней должен быть обращен и взор того, кого мы наставляем. Ибо не для чего другого до пришествия Господа написано все, заключающееся в Священном Писании, как для того, чтобы предвозвестить Его пришествие и предызобразить будущую Церковь, т. е. народ Божий во всех языцех, что составляет тело Его в соприсчислении к сему всех Святых, живших до Его пришествия и веровавших в Него грядущего, точно так же как мы веруем в Него пришедшего. Каком образом у Иакова, пред рождением его, наперед показалась рука, которую он придерживался пяте родившегося прежде него брата, потом следовала голова, а затем необходимо и прочие члены; но однако ж голова не только все последовавшие члены, но и самую руку,

которая при рождении вышла прежде, превосходит своим достоинством и властью, и хотя не по времени появления, но по порядку природы есть первая: так и Господь Иисус Христос, прежде нежели явился во плоти и предстал пред глаза людей, как человек в качестве «Ходатая Бога и человеков» (1Тим. 2:5), «сущий над всем Бог, благословенный во веки» (Рим. 9:5), послал наперед во святых Патриархах и Пророках некоторую часть своего тела, которою как бы рукою предвозвещал свое рождение, и предшествовавший Ему тот горделивый и упорный народ придерживал узами Закона, как бы пятью пальцами, не преставая при сем сам быть предвозвещаем в продолжение пяти периодов времени; в сообразность с чем и тот, кто дал Закон сей, написал пять книг. И гордые те, мудрствуя по плоти и надеясь сами собою снискать себе оправдание, не получили благословения от руки Христовой, но отринуты были от оной, а потому «они поколебались и пали, а мы встали и стоим прямо» (Псал.19:9). Таким образом хотя Господь Иисус Христос послал наперед некоторую часть тела Своего во Святых, кои предшествовали Ему по времени рождения; однако ж Он сам есть глава тела Церкви и все веровавшие в Того, кого они предвозвещали, принадлежат к тому же телу, главою коего Он сам. Ибо потому, что они предшествовали Ему, они не отделены от Него, но

еще более соединены с Ним; потому что они последовали Ему: подобно как и рука, хотя и может выказываться прежде, однако ж она соединена с телом ниже главы. Почему «А все, что писано было прежде, написано нам в наставление» (Рим.15:4) и «это были образы для нас» (1Кор. 10:6) и «Все это происходило с ними, как образы; а описано в наставление нам, достигшим последних веков» (1 Кор.10:11).

Главная причина пришествия Христова

7. Но какая главнейшая причина пришествия Господа, как не явление чрезмерной любви Божией к нам: «Христос умер за нас, когда мы были еще грешниками» (Рим. 5:8) должен сказать ты наставляемому. И это потому, что цель всякой заповеди и исполнение закона есть любовь: дабы, т. е. мы любили как самих себя взаимно и «Он положил за нас душу Свою» (1Иоан. 3:16), так и самого Бога, «потому что Он прежде возлюбил нас» (1Иоан. 4:19) «Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас» (Рим. 8:32). Но ни чем так нельзя расположить к любви, как своим собственным примером, и тот чрезвычайно жестокосерд, кто, не желая принимать от других любви, не хочет и сам оказывать оной. Ибо, если из примеров зазорной и

нечистой любви мы знаем, что те, кои хотя быть взаимно любимыми, всеми возможными знаками стараются показать, в какой степени они любят, и таким образом продолжают действовать дотоле, пока не заметят соответствия своим чувствованиям в сердце тех, коих они хотят расположить к себе, и воспаляются потом тем сильнейшею любовью, чем более огня замечают в тех сердцах, овладеть коими оно желают; если при сем сердце, находившееся в оцепенении, возбуждается, когда чувствует, что оно любимо, и воспаляется еще более, когда видит новую любовь, то очевидно нет большей причины к возбуждению и увеличению любви, как когда тот, кто еще любит, знает, что он уже любим, или когда тот, кто первый начинает любить, видит взаимную к себе любовь. Если так, говорю, бывает в нечистой любви: то не более ли должно быть это в дружбе? Ибо чего другого мы опасаемся в дружбе, как не того, чтобы друг наш не подумал, что мы его или не любим или любим менее, чем он нас? Если он узнает об этом: он сделается холоднее в той любви, какую наслаждаются друзья; и если он не будет столько малодушен, чтобы таковое равнодушие принять за оскорбление дружбы, то он останется только нашим советником, а не пламенным другом. Не излишне при сем заметить и то, что хотя и высшие желают быть любимы низшими и утешаются их

непритворною услужливостью, и чем более чувствуют это, тем более их любят; но какую любовью воспламеняется низший, когда чувствует, что его любит высший? Любовь всегда бывает приятнее там, где она происходит не от внимания к недостаткам другого, но от обилия благотворительности; ибо та любовь бывает из сострадания, а эта из милосердия. Если же низшему и случилось бы когда-либо испытать нерасположение к себе высшего; за то он исполняется еще большею любовью, когда высшему благоугодно будет показать, сколько он любит того, кто ни каким образом не ожидал себе столько добра. Но что выше правосудного Бога и ниже согрешающего человека, который тем с большею опрометчивостью отдал себя под защиту и иго гордым властям, которые не могут сделать его блаженным, чем более отчаялся в попечении о нем той власти, которая высока только по своей благодати?

8. Итак, ежели Иисус Христос для того наипаче пришел в мир, чтобы человек познал, сколько любит его Бог, и познал для того, чтобы и сам воспламенялся любовью к Тому, кто «прежде возлюбил нас» (1Иоан. 4:19), — и по заповеди Его, возлюбил своего ближнего; ежели все божественное Писание, которое написано прежде, написано для предвозвещения пришествия

Христовая, и все, что после предано писанию и имеет божественную важность, повествует о Христе о внушает любовь: то очевидно, что «на сих двух заповедях, т. е. в любви к Богу и ближнему, утверждается весь закон и пророки» (Матф.22:40), так как они в то время составляли все Священное Писание, но и все те книги божественного Писания, кои в последствии посвящены нашему назиданию и утверждены в нашей памяти. Посему в Ветхом Завете сокрыт Новый, а в Новом раскрыт Ветхий. В следствие такой-то сокровенности плотские люди, плотским образом рассуждающие, как тогда были подвержены страху наказания, так и ныне одержимы оным; а духовные, духовно рассуждающие, как тогда было освобождены от оногo, — ибо им открывалось сокровенное, — так освобождаются и ныне данную благодатью. Поелику же ничто столько не противно любви, как ненависть, а мать ненависти есть гордость: то тот же самый Господь Иисус Христос, Бог и человек, есть вместе и образ божественной любви к нам, и пример нашего человеческого унижения, дабы недуг наш тем удобнее исцелился противодействующим лекарством; ибо великое бедствие — гордый человек, но величайшее милосердие — униженный Бог. — Таковую-то любовь поставив себе как бы целью, к которой должны быть направлены все слова твои, ты, о чем